

**ТЕМА ВРЕМЕНИ В ЦИКЛЕ СТИХОВ
АЛЁНЫ РЫЧКОВОЙ-ЗАКАБЛУКОВСКОЙ
«ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ»**

О.Н. Меркулова

Ключевые слова цикл, витальная поэзия, гражданская поэзия, контрапункт, эпическая линия, лирическая линия

Keywords: poetry cycle, vital poetry, civic poetry, counterpoint, epic line, lyrical line

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-10)

Введение

Алёна Рычкова-Закаблукловская — иркутский поэт. Родилась в 1973 г. в селе Баклаши. Автор поэтических книг «В Богородский сад» (2015 г.), «Птица сороказим» (2018 г.) и «Про свет» (2021 г.). Дипломант международных поэтических конкурсов. Подборка ее стихов вошла в шорт-лист конкурса «Заблудившийся трамвай». Типологически творчество Алёны Рычковой-Закаблукловской связывают с традициями почвенничества в русской литературе, однако сама поэтесса в интервью иркутской газете призналась: «... я не могу сказать, что исповедую какое-то почвенничество. Хотя обо мне так говорят. Ну хорошо, я почвенник, потому что я на почве. И я питаюсь этим... Моя тема — сменяемость поколений, цикличность, чередование жизни и смерти» (МК-Байкал. 24.01.2023).

В немногочисленных литературно-критических отзывах о творчестве автора отмечается сочетание реалистической и фольклорно-мифологической образности, эпической и одновременно лирической интонации, связанной с «глубоко сокровенным взглядом на жизнь» [Кузьмищева, 2021, с. 208]. А.В. Трушкина в рецензии на книгу «Птица сороказим» отмечает: «Алёна Рычкова-Закаблукловская — автор цельный, внутренне спокойный, мудрый, со светом в душе. Этой внутренней цельностью и спокойствием напитываешься, читая книгу. Значит, мир может быть светлым и гармоничным — нужно взглянуть на него глазами поэта» (Сибирские огни. 2020. № 6).

В упомянутом выше интервью на вопрос о том, что поэт решает для себя своим творчеством, Алёна Рычкова-Закаблукловская отвечает: «Можно сказать, что это костыль, который помогает мне двигаться. Действительность часто бывает совершенно непредсказуемая, часто

принимает какие-то безобразные формы — и чтобы в этом как-то жить, нужно перерабатывать ее, прогонять через себя. Можно сказать, делать более удобоваримой. В этом присутствует определенный эгоизм — как и в любом способе выживания» (МК Байкал. 24.01.23). Умением радоваться обыденному и открывать в повседневном существовании высший смысл отличается поэзия Алёны Рычковой-Закаблуконской. Этот витальный импульс ее творчества описан в исследовании Н.М. Кузьмищевой, где автор замечает: «Мы же знакомимся с поэзией, исполненной витальной энергетикой “жизнеутверждения”, “жизнеблагодарения”, “жизнетворчества”» [Кузьмищева, 2022, с. 208]. «Витальность поэзии — не художественное направление со своей программой, а особая ценностная направленность <...> это признание срединного положения человека в мире (между тварным и Творцом), мужественное исследование, радостное открытие, развитие в себе просветленно-животворящего начала...» [Плеханова, 2012, с. 142, 150]. Витальная поэзия Алёны Рычковой-Закаблуконской представляет жизнь как сопротивление смерти:

*белёная печи мерцает глина¹
здесь говоришь и дышишь невпопад
здесь в такт молчать подсудно и повинно
и видеть как плывёт неопалимо
по известковой наледи закат
и что такое деется в миру
ломается в хребте его старинном
пока ты здесь созвучная перу
отсчитывая мерно половину
закатных дней в пустой глубинке тесной
плетёшь своё простое не умру
как паутину тонкую над бездной
прилежно носишь щепки и кору
для золотого пламени печного
и отпускаешь жертвенное слово
в ночного неба чёрную дыру*

(Про свет. Белёная печи мерцает глина. 2021. С. 29).

¹ Рычкова-Закаблуконская А.С. Про свет: стихи. Иркутск: Изд-во «Востсибкнига», 2021. 104 с. В круглых скобках указаны название сборника, заглавие стихотворения и страница цитирования. В текстах стихотворений сохранена авторская пунктуация.

Печь — образ мира, соединяющий в себе множество коннотаций. Она символизирует дом как осмысленно-одушевленное пространство-время протекания человеческой жизни, сакральную середину мира, в которой бесконечно и неуничтожимо длится процесс творения (*мерцающее золотое пламя печи*) и архетип материнского рождающего (*жертвенное слово*) и одновременно смертоносного начала (*пожирающая черная дыра*). Сюжет стихотворения — самопознание творческого «я» в этом мире (абсолютный антропоцентризм поддержан глагольным рядом: *говоришь, дышишь, молчать, видеть, отсчитывая, плетёшь, не умру, носишь, отпускаешь*). Самоопределение открывается через волю к сопротивлению смерти и поиск оснований для духовного существования здесь и сейчас: *«плетёшь своё простое не умру / как паутину тонкую над бездной / прилежно носишь щепки и кору / для золотого пламени печного / и отпускаешь жертвенное слово / в ночно-го неба чёрную дыру»*.

Время самопознания, как кажется, более всего отражает ритмическая сторона данного поэтического текста. Так, живая подвижная рифмовка стиха задается мягкой неточной женской рифмой (*глина / повинно / неопалимо / старинном / половину; тесной / бездной; печного / слова*), которая «подсекается» чеканной, режущей мужской (*невпазд / закат; в миру / перу / не умру / кору / дыру*). Важно, что рифма, замыкающая весь поэтический текст, — тоже мужская. Она придает пиририхированному пятистопному ямбу, которым написано стихотворение, еще большую упругость и энергичность. Таким образом, ритм представляет смысловую оппозицию вольности, расслабленности самой жизни и непреклонной твердой воли поэта, противостоящей энергии разложения.

Парадокс в том, что поэзия, открытая витальным силам жизни, в то же самое время демонстрирует отчужденность и автономность как ценностные основания своего существования, что также подтверждается на разных уровнях текста. Например, словоупотребление «в миру» запускает ассоциацию с монашеской, закрытой формой существования лирического субъекта, а строчки *«отсчитывая мерно половину / закатных дней в пустой глубинке тесной»* не только на смысловом, но и на ритмическом уровне демонстрируют обособленность. Так, последний приведенный стих является случаем чистой силлабо-тоники, где четкая, метрически выверенная (без пиририхив) строка становится показателем императивности как созвучности перу.

Что происходит, когда поэзия, построенная на «сугубо индивидуальной хроносенсорике» [Плеханова, 2012, с. 144], занимает активную об-

щественную позицию? Как реагирует витальная поэзия, чьими значимыми ценностями являются самодостаточность и стабильность, на разрушающуюся реальность и что может противопоставить ей?

Методы и материалы исследования

Объектом настоящего исследования стали 13 стихотворений Алёны Рычковой-Закаблуковской, опубликованные на сайте stihi.ru 24 февраля 2023 г. в рубрике «Циклы» под общим названием «Хронологическое». Одной из художественных особенностей цикла является апелляция к широко известным в культуре текстам. В работе Е.А. Нахимовой «Прецедентные имена в массовой коммуникации» говорится о построении текста, в котором «присутствует значительное количество прецедентных феноменов» [Нахимова, 2007, с. 136]. Эти претексты, считает исследователь, образуют специфическую систему, способствующую восприятию исходного текста, а в нашем случае цикла как единого целого. Об объединяющей функции прецедентных произведений, которые являются проявлением интертекстуальных связей текста, пишет и Н.А. Фатеева в монографии «Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов» [Фатеева, 2000]. В этой же работе процесс интертекстуализации рассмотрен с точки зрения диалогичности как соприсутствия в одном тексте нескольких субъектов речи или нескольких голосов. Следовательно, проблему межтекстового взаимодействия в рамках цикла можно рассмотреть через бахтинскую теорию диалогизма в ее связи с теорией интертекстуальности. Наряду с понятием «полифонизм» Н.А. Фатеева предлагает использовать «музыкальный» термин — контрапункт, релевантный бахтинскому, но акцентирующий проблему организации временных планов художественного целого. Известно, что контрапункт — это сочетание двух и более самостоятельных мелодий в разных голосах.

Таким образом, учитывая природу поэтической циклизации, формирующую особое взаимодействие составляющих ее произведений, а также наличие значительного количества прецедентных феноменов, «Хронологическое» представляется динамическим взаимоотношением различных голосов, создающих единое полифоническое произведение.

В данной статье мы попытались рассмотреть контрапункт как ведущий (объединяющий) принцип организации всего цикла Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое». Цель исследования — описать мелодии-голоса (образы, мотивы, темы, сюжеты), по которым развивается цикл, и определить характер их взаимодействия, позволяющий 13 стихотворениям звучать как единое целое. Методологиче-

ской базой исследования стали семиоэстетический метод анализа поэтического текста [Тюпа, 2001), литературоведческий метод интертекстуального анализа [Фатеева, 2000].

Результаты исследования и обсуждение

Дата публикации цикла — знаменательная: годовщина событий в Украине. Название — говорящее. «Хронологическое»² — значит, основанное на последовательном расположении событий во времени. Заметим, что в Интернете автор активно выкладывает свои произведения. Как правило, это последнее из написанного, самые свежие стихи, которые чередуются с текстами, опубликованными ранее. Очевидно, что выбор стихотворений обусловлен состоянием резонанса поэта с миром. Анализируемый цикл — непосредственный отклик на реальные исторические события. Его стихи представляют образец гражданской поэзии, которая с оживлением истории снова получила актуальное звучание. Цель — осознать происходящее, противопоставить поэтическое слово миру, утратившему равновесие, как бы пересоздать его словом.

Главная тема цикла — личное переживание всеобщего исторического времени, которое осмысливается как катастрофа, имеющая эпические масштабы. Ее размах выражен архетипическими образами, мотивами, сюжетами, а также апелляцией к прецедентным текстам. Ю. Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» [Караулов, 1987, с. 216].

Общее поле претекстов в цикле Алёны Рычковой-Закаблукской «Хронологическое» очерчено «Мыслями» Блеза Паскаля («Поэзия утратила язык...»), древнегреческим мифом об Ахилле («Не сон, но явь...»), священными текстами Ветхого («Поэзия утратила язык...», «Не сон, но явь...», «Сердце как крышка по самую кромку...») и Нового Заветов Библии («Пришли волхвы и принесли дары...»), русскими народными сказками «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» («Братец Иванушка...») и «Финист ясный сокол» («Какой теперь бесчинствует недуг...»), «Словом о полку Игореве» («Если сыну не дано родиться...»), «Страшной местию» Н.В. Гоголя («Мы с тобою доживём быть может...»). Авторитетность представленных прецедентных текстов безусловна. Опора на них, с одной стороны, позволяет автору устанавливать диалог

² Здесь и далее ссылки даны на источник: Рычкова-Закаблукская А. Хронологическое. Электронный ресурс <https://stihi.ru/2023/02/24/2202>

с читателем, апеллируя к общей культурной памяти. С другой стороны, в ситуации потерянности эталонные произведения помогают прояснить происходящее, вводя события «в широкий “ментальный контекст” ... эпохи» [Караулов, 1987, с. 230].

В представленном поэтическом цикле слышатся две главные самостоятельные мелодии — эпическая (изображение актуальных исторических событий) и лирическая (определение человеческой и творческой миссии говорящего, поиск своего места в новых временных реалиях).

Происходящие общественные перемены (эпическая линия), как отмечалось выше, имеют образ глобального сдвига, «недуга», «бреда», «кары». Образно-мотивный ряд стихотворений в этом случае настойчиво вращается вокруг одной темы — двойственной природы человека, в которой и усматривается источник катастроф. В первом же тексте «Поэзия утратила язык...» скрещиваются два голоса из совершенно разных художественных систем, касающихся природы человека: высказывание Блеза Паскаля (Блез Паскаль) и строчки из 90 Псалма Давида (Псалом 90), о человеке, одолеваемом грехами: «*поэзия утратила язык / бросай её на что тебе калека / она не воскрешает человека / она абстрактно мыслящий тростник / без всяческой привязки к существу / по локотки в земле своей увязшем / ночного страха и стрелы летящей / не боясь собаку на ветру / несущего как жизнь несут в горсти*» (Хронологическое. Поэзия утратила язык...). Очевидно, что для поэзии слово остается главным орудием борьбы со смертью. Однако в сложившейся исторической ситуации речь идет не только и не столько о духовном преображении человека, сколько о его физическом воскрешении, в котором поэзия оказывается бессильной.

Отчетливая аллюзия на «мыслящий тростник» Блеза Паскаля объединяет в своей семантике иронию по поводу современного человека и самоиронию, связанную с поэзией: *тростник — человек и тростник — символ поэзии* (курсив наш. — О. М.), отчужденной от действительного участия в жизни. Определение сути земного человеческого существования коррелирует со строчками из священных поэтических текстов Псалтири (стихом 90 Псалма): «*Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем...*» (Псалом 90) — человек, одолеваемый бесами и пороками под покровом ночи и днем. Лейтмотивом стихотворения становится образ ноши или тяжести (*бросай; не воскрешает; в земле своей увязшем; несущего; несут; ноша; невесома; подними же; неси*), преодолеваемой субъектом речи в финале стихотворения: «*да будет ноша эта невесома / так подними же / подними же слово / неси*». Так от от-

чаяния лирический субъект приходит к убеждению — необходимости сопротивляться разрушительному хаосу словом.

Псалтирь — одна из поэтических книг Ветхого Завета, причисляемая к разряду учительных. Она состоит из 150 (151) псалмов, или песней, различных по содержанию. Псалтирь соединяет в себе для верующего человека приятное с полезным: псалмами услаждали тяжелые часы и воодушевляли себя на мужественное перенесение невзгод; псалмы служили приятным развлечением и назиданием одновременно. Получается, что Псалтирь — произведение словесного творчества, которое объединяет лирическое начало (древняя акцентная поэзия, представляющая прямой диалог псалмопевца и Бога), эпическое (включение единичной человеческой судьбы в грандиозный бытийный контекст) и нравоучительное (определенность этических ориентиров).

Как кажется, эти тенденции — магистральные, проявляющиеся на идейно-содержательном и формальном уровнях всего цикла Алёны Рычковой-Закаблуковской. Приведенное стихотворение — призыв и самоопределение. Оно вводит тему ответственности перед поэзией как крайне важную, задает тон всему циклу, поэтому звучит как эпиграф. О значимости этого текста свидетельствует тот факт, что в журнале «Сибирские огни» (2022. № 3) под общим названием «Вопреки беде» публикуются 9 стихотворений, объединенных той же (военной) тематикой, и 7 из 9 — это стихотворения разбираемого цикла «Хронологическое». В этой журнальной подборке анализируемое поэтическое произведение тоже находится в композиционно сильной позиции — заключительной.

Мотив слабости и уязвимости человеческого существа, выявленный в анализе первого стихотворения цикла, подхватывается и развивается в тексте «Не сон, но явь...»: «... на острове Комодо / Извечную сущая темноту, / Варан берет ребенка за пята. / ... / И вот один до втра отошел, / Между камней пристроился по-птичьи. / Мерцало тело хрупкостью яичной. / Варан узрел, что это хорошо» (Хронологическое. Не сон, но явь...). Совмещенные посредством аллюзий временные планы, когда языческий (Ахиллесова пята) и библейский (искушение Змею) мифы актуализированы в настоящем (остров Комодо, отличающийся огромными варанами), свидетельствуют об универсальности исторического сценария, вписанного в архетипический контекст вечности (см. мифологемы: *ребенок, змей, яйцо, молоко*).

Закономерным продолжением эпической линии становится опора на претекст русской народной сказки «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», звучащей в стихотворении «Братец Иванушка...» (Хро-

нологическое). Так не только поддерживается тема нарушения запрета, человеческой податливости искушению (жажда), но и дается национальная идентификация смыслообразам истории: *«братец Иванушка / бел пострел / что ж ты не слушал сестрицу / братец Иванушка как ты посмел / дать ему крови напиток / жаден до крови теперь божок / он беспощадный трубит в рожок...»* (Хронологическое. Братец Иванушка...). Здесь главная «мелодия», связанная с вечным противостоянием человека злу, получает новый «обертон»: звучит тема общей судьбы и родовой вины. Вообще, формально-содержательная структура цикла выражает родовое сознание: образы брата, сестры, сына, матери, отца, дитя; опора на национальный фольклор и произведения национальной литературы; субъектная композиция, основанная на таких способах авторского присутствия, как лирический повествователь, лирическое «мы», и скрытых (обращенный монолог) косвенных формах лирического «я».

Упадок семейно-родовых отношений в новых исторических условиях художественно реализуется через мотив разъединенности людей, деление на своих и чужих, правых и левых: *«какой теперь бесчинствует недуг / что прошлое срывается из рук / дешевой запонкой блестящей / что ты искал не вспомнишь не обрящешь / и друг нарошный иже ворог зряшный / берут тебя на мушку на испуг / на карандаш / ты наш или не наш / а ты ничей / вчерашний книгочей и букинист / и финист ясный сокол»* (Хронологическое. Братец Иванушка...). Финист ясный сокол — зооантропоморфный герой-первопредок, символизирующий единство родовой памяти, которая обеспечивает связь каждого члена семьи и всех когда-либо существовавших поколений. В новых исторически сложившихся обстоятельствах законы родовой памяти нивелируются. Скрытый мотив разобщенности присутствует и в стихотворении, отсылающем к «Слову о полку Игореве» («Если сыну не дано родиться...»). Но особенно остро звучит эта тема в стихотворении «Мы с тобою доживём быть может...».

Этот поэтический текст является точкой сопряжения упомянутых выше тем и мотивов общей эпической линии: *«мы с тобою доживём быть может / до её бесславного конца / и увидим как сдирают кожу / мертвецы с живого мертвеца / у любой эпохи путь конечен / и глумится тьма перед началом / страшна твоя кара человеку / стыть века с опущенным забралом...»* (Хронологическое. Мы с тобою доживём быть может...). Устрашающие картины последствий человеческих деяний варьируются на протяжении всего цикла, выполняя назидательную функцию. Однако в данном стихотворении конструктивным, тек-

сто- и смыслопорождающим значением обладает интертекстуальная связь с повестью Н.В. Гоголя «Страшная месть», откуда и взяты сцены наказания, на что указывают сюжетные совпадения и аллюзии. Так, у Гоголя: «*То в безвыходной пропасти, которой не видел еще не один человек, страшющийся проходить мимо, мертвецы грызут мертвеца* (выделено нами. — О. М.)» (Н.В. Гоголь. 1984. С. 233), и у А. Рычковой-Закаблуковской: «*над стремниной где вздымая руки / ... / в смертных корчах / в неизбывной муке / мертвецы глодают мертвеца* (выделено нами. — О. М.)». А также: «Страшна казнь, тобою выдуманная, человече!» — сказал Бог (Н.В. Гоголь. 1984. С. 236), и «*страшна твоя кара человеку / стыть века с опущенным забралом...*» (Хронологическое. Мы с тобою доживём быть может...).

Притчевая природа гоголевского текста, где в последней главе дается история двух названных братьев Ивана и Петро, запускает сюжет библейского близнечного мифа о Каине и Авеле. Писатель переосмысливает первое в истории человечества убийство, наказывая не только убийцу (Петро), но и жертву (Ивана), придумавшего на Божьем суде страшную месть предателю-брату. В глазах Господа тот, кто нарушает главную Евангельскую заповедь о всепрощении, отрицает сами основы духовной жизни — любовь к Богу и человеку. Таким образом, опора на гоголевский претекст помогает проявить причину и сущность происходящих глобальных исторических событий — это отсутствие (нехватка) любви в человеке.

Так история в цикле получает религиозно-нравственное освещение. Вариацией и развитием этой темы является стихотворение «Пришли волхвы и принесли дары...» (Хронологическое): «*пришли волхвы и принесли дары / когда возшла звезда над усть-балеем / господь сказал всё будет иудея / я никого из вас не пожалею / пока вокруг смещаются миры...*». Рождество Христово проецируется на настоящее не только как сюжет, повторяющийся с приходом в мир каждого нового человека, но и как длящийся момент перехода от страха (Ветхий Завет) в человеческих сердцах к обретению любви и прощения (Новый Завет). Временная композиция текста (семиоэстетический анализ В.Я. Тюпы) подтверждает на формальном уровне идею незавершенности этого процесса, который в глобальных исторических масштабах оборачивается войнами и братоубийственными конфликтами: «*господь сказал а после будет рай / ... / ты только ничего не возжелай / ... / чужой судьбы не возжелай сынок / а всё иное мы переболеем / и горсть за горстью сыпался песок / в разверстый рот земли под усть-балеем*» (Хронологическое. Пришли волхвы и принесли дары...).

Итак, в цикле стихов Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое» современные военные события вставлены в глобальный ход истории через известные эпические образы и сюжеты. Война ужасна, но органична человеческому миру, испытывающему недостаток любви и веры. Повторяемость архетипического сюжета о Каине и Авеле — показатель духовной незрелости современного человека (именно поэтому в цикле множество устрашающих картин, имеющих явно назидательную функцию). Такова основная (эпическая) тема, связанная с осмыслением исторических событий.

Если говорить о сопряженности эпической и лирической линий в цикле, то очевидно, что вторая, связанная с личным поиском своего места в «новом» мире, обрамляет первую, как бы опекает ее.

Основной формой авторского присутствия в цикле является лирическое «я», которое отражает мир сквозь призму собственного восприятия. В исторически сложившихся реалиях субъект речи осознает себя прежде всего частью «мы», не отделяет свою судьбу от общей. Подтверждением этому являются косвенные формы проявления «я» в текстах и наличие таких форм субъектных отношений, как лирическое «мы» и повествователь. Однако при нивелировании «я», его желании раствориться во всеобщем и объективировать изображаемое (всезнающий автор, отсюда отсутствие медитации), все-таки тема определения своей человеческой и творческой позиции звучит отчетливо.

Чувства, которые испытывает лирический субъект и которыми пронизана лирическая тема, — это боль и отчаяние. Кстати, весь цикл — попытка преодолеть или успокоить, утишить их. Утрата «своего» времени («невывлаканная кража»), пустота («с дырой в груди»), отсутствие поэтического голоса («живи теперь над этой немотой»), несвобода («телом на ветру окаменелом») — вот так описывается состояние говорящего.

При скрытой форме лирической субъектности тема самоопределения — ведущая. В поэтическом тексте «Поэзия утратила язык...» (Хронологическое) субъект речи, произнося молитвенные слова 90-го псалма Давидова («ночного страха и стрелы летящей / не убоясь...»), не только совершает сакральный акт защиты любого участника глобальных перемен (войн, сражений), но и заговаривает самое себя на укрепление веры. Лирическая медитация подменяется утвердительными, эпическими, учительными формами речи Псалтири, помогающими говорящему справиться с грехом отчаяния: «*поэзия утратила язык / бросай её на что тебе калека / <...> / да будет ноша эта невесома / так подними же / подними же слово / неси*». Как известно, с древ-

них времен на Руси практиковалась традиция носить пояски или вшивать в одежду воинам текст 90-го псалма, который считался воодушевляющим, спасающим, оберегающим. В этом стихотворении лирическая и эпическая темы сливаются в единый голос: в кульминации звучит императив личной и творческой ответственности за происходящее.

Повторяющимся образом в стихотворениях цикла является образ ребенка. Он несет не только архетипическое значение, но и становится метафорой отношения лирического субъекта к современному человеку. Например, во внешне безличном повествовании стихотворения «Не сон но явь» (Хронологическое) читательское восприятие формируется посредством выразительных средств, связанных семантикой беззащитности (*безмятежные, молочный, пристроился по-птичьи, хрупкостью яичной*), что вызывает чувство жалости и желания опеки. Отеческий тон с интонациями учительства и снисхождения подхватывается лирическим «я» в обращении: «*братец Иванушка / бел пострел / что ж ты не слушал сестрицу*» и «*выйди Алёнушка на бережок / смажь ему млеком губы*». Молоко — символ спасения, изобилия и материнства. Опора на текст известной русской сказки постулирует субъекта речи через материнский архетип. Учитывая, что имя самой поэтессы Алёна, последние строчки стихотворения становятся выражением человеческой и творческой миссии поэта, которая определяется как защита и спасение близкого.

Отсылка к самому пронзительному эпизоду «Слова о полку Игореве» — плачу Ярославны органично продолжает общую лирическую мелодию цикла: «*Если сыну не дано родиться / Стало быть ему не умирать. / Стало быть подстреленною птицей / Над Каялом мне не куковать. / Стало быть не попрошу о многом / Горькою молитвою своей. / Преломи им на пороге ноги — / Сохрани от морока детей*». Голос лирического «я» в этом стихотворении благодаря претексту получает символическое значение горюющей женщины-матери, которая закликает своих детей от греха братоубийства: «*Чтобы после жизни, как скрижали, / Камни их вещали на веку: / Хлеб растили и детей рожали. / И ни слова больше о полку*» (Хронологическое. Если сыну не дано родиться...).

Мольба Ярославны перекликается со стихотворением-молитвой «Мужчины те, что мне принадлежат...», имеющем трагическую ноту, несмотря на то что перед нами молитвенные слова благодарности Богу: «*Мужчины те, что мне принадлежат, / В сырой земле который год лежат / ... / Я говорю: о милосердный Боже, / Какое счастье — их не потревожить. / И не поднять. / Никто их не отправит убивать. / Никто из них не будет уничтожен. / ... / Благодарю тебя за волю свыше. За то,*

*что не дал видеть им и слышать. / За то, что Ты остановил их время.
/ Не возложил на плечи бремя / Проклятья до седьмых колен»* (Хроно-
логическое. Мужчины те, что мне принадлежат...).

Но сердцевинной лирической темы цикла является стихотворение «Сердце как крынка по самую кромку...», где четкий ритм системного дактиля отражает биение сердца: *«Сердце как крынка по самую кромку / полнится светом вмещает ребенка / и поднимается как на опаре — / всяческой твари вмещая по паре / и от того не становится уже / даже вместив постороннего мужа / вместе с женою детьми и собаками / всем беспричинно стучит одинаково / всем раздаётся легко и шутя / пей мя и ешь мя / хватайся дитя»* (Хронологическое. Сердце как крынка по самую кромку...). Предметный мир этого поэтического текста формируется образами трех тематических групп: сердце (употр. 3 раза), которое ассоциируется с пространственными объектами, обозначающими место, вместилище (*крынка, кромка, край, стенки, Рай*); то, чем заполняется пространство (*свет, ребенок, опара, твари, муж, жена, дети, собаки, дитя*) и время (*времён, современник, годин*). Глагольный ряд работает на образ сердца-вместилища (*полнится, вмещает, поднимается как на опаре, вмещая, не становится уже, вместив, хватайся, помещаю, укрепись*), а слова, характеризующие его, связаны семантикой открытости, полноты, иррациональности (*всяческой, постороннего, беспричинно, одинаково, легко, шутя, по самую*). Недаром возникает сравнение с утраченным раем.

Не только образно-сюжетный ряд, но и стилистический уровень текста (*всяческой твари вмещая по паре*) отсылает к библейскому сюжету о Ноевом ковчеге. Мифологемой потопа характеризуется историческое время, сердце поэта — символ жертвенной исцеляющей любви, спасительный корабль в смертельных водах. Строчки *«пей мя и ешь мя / хватайся дитя»*, выделенные употреблением устаревшей грамматической формы местоимения «меня», указывают на одно из главных событий новозаветной истории — Тайной вечери, когда было установлено таинство Евхаристии (Причастия), сакрального вкушения тела и крови Господа.

Сердце — ритмический орган, поэтому ритм стихотворения можно считать надежным поводырем в сферу смысла. Так, стихи: *«пленник невольный времен / современник темных годин / я тебя помещаю»* — нарушают ритмическую инерцию четкого метрического дактиля, акцентируя прямое обращение лирического субъекта к современнику-читателю и действие, направленное на него. Именно в этом эпизоде появляется лирическое «я», растворенное изначально в безличном по-

вествовании. Рифма и силлабический ритм тоже «сбиваются» в этих строчках. Этот ритмический сбой как удары сердца, учащающиеся или замедляющиеся при сильных эмоциональных переживаниях.

Итак, лирический голос цикла отмечен эмоционально тяжелым настроением отчаяния, преодолением которого становится страдательно-искупительная любовь. Алёнушка, Ярославна, Финист ясный сокол, Ной, Христос — образы-голоса спасительной материнской (жертвенной) любви, с которыми ассоциируется лирический субъект.

Заключение

Поэтический цикл Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое» — это честный и мужественный поступок человека и поэта, искренне откликнувшегося на глобальные исторические перемены. Витальная поэзия, беря на себя функцию гражданской, удивительным образом сочетает однозначность этических оценок, определенность социального контекста (война), ясность смысла, адресность, императивность и эмоциональную неустойчивость лирического «я», поиск оснований личного и творческого существования. Форма цикла, как кажется, органично отвечает такому противоречивому содержанию.

«Хронологическое» — это цельное единое произведение, состоящее из 13 стихотворений. Две относительно самостоятельные и параллельно текущие во времени линии — эпическая, связанная с изображением исторических событий, и лирическая, относящаяся к переживанию-осознанию своего «я», формируют текст всего цикла. Эти линии переплетаются, усиливают друг друга, расходятся или звучат в унисон, совмещаясь в определенных фазах. Включение голосов из других отдаленных по времени художественных систем (посредством прецедентных текстов) нарушает линейное течение времени, заставляя читателя и автора существовать одновременно на разных временных срезах. Так совершается выход из однонаправленного необратимого временного потока, так «хронологическое» трансформируется во вневременное. Таким образом, поэтический цикл Алёны Рычковой-Закаблуковской становится актом преодоления времени, а значит, и символическим актом преодоления смерти.

Библиографический список

Барковская Н.В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 1 (11). Электронный ресурс <https://filclass.ru/archive/2004/1-11/tipy-povestvovaniya-i-ikh-analiz>

Еремеев А.Э. Роль библейского мифа в становлении нравственно-философских исканий раннего Н.В. Гоголя (Страшная месть). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bibleyskogo-mifa-v-stanovlenii-nravstvenno-filosofskih-iskaniy-rannego-n-v-gogolya-strashnaya-mest/viewer>

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Кузьмищева Н.М. Витальность поэзии Алёны Рыковой-Закаблукской (на примере сборника стихов «Птица сороказим») // Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы Всероссийской (с международным участием) конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Василия Прокопьевича Трушкина. Иркутск, 2022. С. 208-233. Электронный ресурс https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48553704_31598794.pdf

Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsendentnye-fenomeny-problemy-definitcii-i-klassifikatsii-pretsedentnyh-fenomenov/viewer>

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования, 2007. 207 с.

Плеханова И.И. О витальности новейшей поэзии: Андрей Родионов, Вера Павлова, Мария Степанова, Вера Полозкова : монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 153 с.

Трушкина А.В. Увидеть свет Твой... // Сибирские огни. 2020. № 6. Электронный ресурс <https://www.sibogni.ru/content/uvidet-svet-tvoy>

Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Список источников

Блез Паскаль. Мыслящий тростник: наше достоинство — не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить // Мысли. 1669. Электронный ресурс <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH0129eccae3ffd40001c5415e>

Гоголь Н.В. Страшная месть // Собр. соч.: в 8 т. М.: Изд-во «Правда», 1984. Т. 1. С. 198–237.

Михеева С. Рычкова-Закаблуковская А. Тяготение к свободным пространствам: иркутский поэт Алёна Рычкова-Закаблуковская (о том, как семейные легенды создают поэта и что поэту с этим делать) беседа. МК-Байкал. 2023. 24 января. Электронный ресурс <https://baikal.mk.ru/culture/2023/01/24/tyagotenie-k-svobodnym-prostranstvam-irkutskiy-poet-alena-rychkovazakablukovskaya.html>

Псалом 90. Электронный ресурс https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Ryankov/tolkovanie-na-psalmy/90

Рычкова-Закаблуковская А.С. Про свет: стихи. Иркутск: Изд-во «Востсибкнига», 2021. 104 с.

Рычкова-Закаблуковская А. Хронологическое. 2023. Электронный ресурс <https://stihi.ru/2023/02/24/2202>

References

Barkovskaya N.V. Types of Narrative and Their Analysis. *Filologicheskij klass* = Philological class, 2004, no. 1 (11). Retrieved from: <https://filclass.ru/archive/2004/1-11/typy-povestvovaniya-i-ikh-analiz> (In Russian).

Eremeev A.E. The role of the biblical myth in the development of the moral and philosophical quests of the early N.V. Gogol (Terrible Vengeance). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bibleyskogo-mifav-stanovlenii-nravstvenno-filosofskih-iskaniy-rannego-n-v-gogolya-strashnaya-mest/viewer> (In Russian).

Fateeva N.A. Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts, Moscow, 2000, 280 p. (In Russian).

Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality, Moscow, 1987, 261 p. (In Russian).

Kuz'mishcheva N.M. Vitality of the poetry of Alena Rykova-Zakablukovskaya (based on the collection of poems "The Sorokazim Bird"). *Literatura Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve*. = Literature of Siberia in the socio-cultural space: materials of the All-Russian (with international participation) conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vasily Prokopyevich Trushkin, Irkutsk, 2022, pp. 208–233. Retrieved from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48553704_31598794.pdf (In Russian).

Nakhimova E.A. Precedent names in mass communication: monograph, Ekaterinburg, 2007, 207 p. (In Russian).

Nazarova R.Z., Zolotarev M.V. Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification of Precedent Phenomena. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-problemy-definitsii-i-klassifikatsii-pretsedentnyh-fenomenov/viewer> (In Russian).

Plekhanova I.I. On the vitality of modern poetry: Andrei Rodionov, Vera Pavlova, Maria Stepanova, Vera Polozkova: monograph, Irkutsk, 2012, 153 p. (In Russian).

Trushkina A.V. To see Your light... *Sibirskie ogni* = Siberian Flames, 2020, no. 6. Retrieved from: <https://www.sibogni.ru/content/uvidet-svet-voy> (In Russian).

Tyupa V.I. Analytics of Art (Introduction to Literary Analysis), Moscow, 2001, 192 p. (In Russian).

List of Sources

Blez Paskal'. "The Thinking Reed: Our Dignity Is Not in the Mastery of Space, but in the Ability to Think Soundly". *Mysli* = Thoughts. 1669. Retrieved from: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH0129eccae3ffd40001c5415e> (In Russian).

Gogol' N. Terrible revenge. *Sobranie sochineniy v vosmi tomakh* = Collected Works in Eight Volumes, vol. 1, Moscow, 1984, pp. 198-237. (In Russian).

Mikheeva S. Rychkova-Zakablukovskaya A. Gravitation to free spaces: Irkutsk poet Alena Rychkova-Zakablukovskaya (about how family legends create a poet and what a poet should do with it), *MK-Baykal*, 2023, January 24. Retrieved from: <https://baikal.mk.ru/culture/2023/01/24/tyagotenie-k-svobodnym-prostranstvam-irkutskiy-poet-alena-rychkovazakablukovskaya.html> (In Russian).

Psalom 90. Retrieved from: https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Pyankov/tolkovanie-na-psalmy/90 (In Russian).

Rychkova-Zakablukovskaya A. Chronological. Retrieved from: <https://stihi.ru/2023/02/24/2202> (In Russian)

Rychkova-Zakablukovskaya A.S. Pro svet : poems, Irkutsk, 2021, 104 p. (In Russian).